

все новые неожиданные ситуации, в которых и заключался основной интерес произведения. Новелла Мазуччо более стройна, замкнута, целенаправленна. Она тоже порой смешна. Но драматизм сюжета в ней значительно усилен, поэтому столь сильны в ней трагические мотивы.

Такие же превращения претерпели под пером ренессансных новеллистов и многие другие сюжеты фаблю.

Отметим, что в последних был очень распространен мотив неистребимой, извечной порочности женщины, будь то склонность к любовным интрижкам, будь то просто любовь к безделью, к сплетням и злословию, будь то постоянное стремление верховодить в доме, что причиняет столько бед доверчивым и безответным мужьям. Антифеминистская струя в средневековой литературе весьма заметна, ее причины многообразны и, возможно, еще не до конца выяснены. Антифеминизм был свойствен более всего литературе позднего Средневековья (то есть XIV–XV столетий), вот почему на первых порах в его сфере оказалась и новеллистика, делающая еще свои первые робкие шаги.

В этом отношении очень показателен французский анонимный сборник «Пятнадцать радостей брака», созданный между 1380 и 1410 годами. Он, бесспорно, замыкает средневековую традицию (с ее бюргерским дидактизмом и мелкотемьем) и стоит на пороге ренессансной новеллистики. Показательно, что книга дошла до нас в нескольких рукописях и нескольких печатных изданиях XV века, причем первое из них, датируемое 1485 годом, совпадает по времени с появлением одной из рукописей (из Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде): средневековый способ бытования произведения еще соседствовал с новым, печатным.

По своей тематике «Пятнадцать радостей брака» во многом относятся к средневековой антифеминистской литературе, хотя перед нами не столько инвектива в адрес слабого пола, сколько собрание забавных историй о проделках коварных жен и об их неосмотрительных мужьях. Впрочем, наставительного, дидактического начала в книге отрицать нельзя. Она во многом строится как своеобразный последовательный цикл назидательных историй, в чем-то имитирующих одобренный яркими примерами схоластический трактат. Это стремление к созданию законченной, самозамкнутой книги стоит отметить, так как это вскоре станет одной из отличительных черт ренессансной новеллистики: редко кто из писателей просто сочинял рассказы, они создавали именно циклы рассказов, объединенных по самому разному принципу, но объединенных – непременно.

По составляющим «Пятнадцать радостей» новеллам разбросаны мелкие черточки, скупо, но точно обрисовывающие быт западноевропейского города на исходе Средневековья, особенности жизни рядового горожанина. Автор проводит читателя по всем кругам семейного ада: тут и нескончаемые перебранки со сварливой женой, и утомительная беготня по лавочкам в поисках всевозможных лакомств, если в жены досталась привереда, и унижительные скитания по ростовщикам и займодавцам, чтобы раздобыть денег на новое платье жене. Немало в книге и традиционных для Средних веков нападок на монахов, которые либо просто склоняют женщин к распутству, либо внушают им неуважение к мужьям.

Все описано и оценено в книге, конечно, с точки зрения мужа, женщине слово не было дано. Это изобличает в авторе писателя и человека позднего Средневековья, ибо в фаблю женская точка зрения на семейные конфликты, на взаимоотношения между людьми, вообще на жизнь нет-нет да обнаруживала себя.

Многие (если не все) из тем и мотивов книги мы найдем затем у французских новеллистов второй половины XV и первой половины XVI столетия, даже у Маргариты Наваррской и уж конечно у Деперье, но там все эти темы не занимают доминирующего места. А в «Пятнадцати радостях» весь круг жизненных проблем и соответственно ситуаций этим и ограничивается. Типичный бюргерский морализм еще не был в сборнике преодолен, в этом направлении едва был сделан первый шаг. Но и он был знаменателен: ведь антифеминизм книги вряд ли следует до конца принимать всерьез, ибо осуждение женских слабостей постоянно уступает место в книге неподдельному восхищению хитроумными проделками, находчивостью, изворотливостью женщин; отрицание спорит здесь с утверждением, и в этом споре проглядывают предпосылки новой, возрожденческой концепции человека.

Отметим также пристальный интерес к окружающему горожанина миру вещей, хотя, конечно, бытописание еще не делало новеллу возрожденческой, точно так же, как не делало ее та-